

A detailed illustration of a library. A large window in the center shows a view of trees with autumn leaves. A tabby cat sits on a wooden chair with a white blanket draped over its lap. The room is filled with wooden bookshelves packed with books. In the foreground, an open book lies on a table, surrounded by other books and a small golden object.

Между строк диагноза 2. Продолжение

Виктор Теневой

Виктор Теневой
Между строк диагноза
2. Продолжение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72121138
SelfPub; 2025*

Аннотация

В этой психиатрической больнице книги болеют несбывшимися концами, диагнозы пишут стихами, а единственный врач – кот Сильвер. Здесь не лечат – здесь слушают, как скрипят страницы прошлого. Попробуйте закрыть книгу. Если не получится – значит, вы уже пациент.

Виктор Теневой

Между строк диагноза

2. Продолжение

ЭПИГРАФ:

"Эта книга – как больничная карта: если читать между строк,

можно найти даже то,

чего там никогда не записывали."

– Из заметок на полях медицинского журнала

ПРОЛОГ:

ОСТАТКИ ВОЗДУХА

В палате было тихо.

Только часы на стене – те самые, с отстающей секундной стрелкой – методично отмеряли время, словно считали чьи-то вдохи.

На тумбочке лежала тетрадь. Не медицинская, хотя и там хватало диагнозов. А обычная – в клеточку, с потрёпанными уголками.

На первой странице, чуть выше пятна от чашки, было написано:

Если ты это читаешь – значит, кто-то всё-таки решил, что наша история заслуживает переплёта. Не верь. Лучше за-

крой книгу.

Потому что правда – она как рентген: видит всё, включая то, что давно срослось неправильно. Но если ты всё ещё здесь... Тогда запомни:

Мы не просили, чтобы нас спасали. Мы просто хотели, чтобы кто-нибудь услышал, как скрипит дверь в пустом отделе ночью.

И дальше – уже почерком врача, синими чернилами:

F99 – Расстройство психики неуточнённое. А что, если это не мы больны?

А что, если это мир не дописывает свои диагнозы?

За окном погас свет. Начался дождь. А тетрадь осталась лежать раскрытой, как рана, которую наконец перестали пытаться зашить.

При остром дефиците чудес

Ингредиенты:

1. свет луны или фонаря

2. страницы из старого детектива, лучше Артур Конан

Дойл

3. след дождя на подоконнике

Способ приготовления:

Заверните всё в газету с прогнозом погоды. Оставьте под подушкой на ночь. Утром, если найдёте хотя бы один волосок Сильвера, значит, рецепт подействовал. Да, если не станет легче, попробуйте перечитать «Охота на Снарка» задом наперед. Если лень, то просто почешите кота за ухом.

ЧЕРНИЛЬНЫЙ КОВЧЕГ

Возвращение.

Она вошла без стука, но дверь скрипнула на ту же ноту, что и в детстве, когда мы прятались от отца в шкафу.

Ты всё ещё лечишь стихами? – её голос был хриплым, как страница, которую слишком часто перечитывали. В тетради, заклеенной скотчем, я разглядел следы пальцев, будто кто-то пытался вырвать листы.

Это моя история. Точнее, то, что от неё осталось, она положила её на стол. В психушке мне говорили: Ваши мысли – это бред. А потом одна женщина... Она замолчала, будто слова застряли у неё в горле, как рыбья кость. Её пальцы дрожали, когда она провела по обложке, оставляя на пыльной поверхности след, похожий на след от слезы. Она дала мне карандаш. Сказала: Если это бред – запиши. Пусть он станет реальным.

Я открыл тетрадь. Страницы были испещрены строчками, но половину из них кто-то старательно зачеркнул, чёрной тушью, почти срывая бумагу.

Кто это сделал? Она улыбнулась невесёлой, кривой улыбкой.

Они. Те, кто решает, что правда, а что нет.

Я перевернул страницу. В углу мелким почерком было написано:

Иногда я слышу, как чернила кричат. И тогда я понял, почему она пришла. Не за лечением. А за свидетелем.

Среди чёрных строк я искала белые пятна, как лужицы молока на дне пустой бутылки. А ещё белые пятна пахли ластиком, тем самым, треугольным, из детства. Им стирали двойки в дневнике, но он оставлял грязные следы, будто признание: Да, здесь было что-то, но мы это уничтожили.

Я собирала эти крошки, скатывала пальцами в шарики и прятала под подушку. Во сне они превращались в буквы, которые нельзя прочесть.

Ты говорил – Пиши о нежности. Но как? Когда пальцы помнят только шрамы от верёвок, а губы – вкус йода и больничных таблеток. Я попробовала.

Вот:

Нежность – это когда ты вытираешь чужую кровь и не брезгуешь. Когда читаешь зачёркнутые строки и понимаешь их лучше, чем те, что остались.

Когда кто-то держит твою руку в отделении для буйных, и это – самое тихое место на земле.

Я поднял глаза. Она смотрела в окно, где дождь начинал стучать по стеклу тем же ритмом, что и её пальцы по столу.

Это... не совсем нежность, сказал я.

Она повернулась. В её взгляде было что-то хрупкое, но не сломанное.

Нет. Это – правда. А правда всегда нежнее лжи.

Тетрадь лежала между нами, как рана, которую нельзя зашить, но можно – рассказать.

ГЛАВА 14

Библиотекарша-призрак

Она достала из тетради пожелтевшую фотографию, будто вырвала страницу из чужого сна. На снимке: женщина в очках с одним стеклом, словно один глаз у неё видел мир, а другой – то, что за его границами. За её спиной – полка с кривой табличкой «Заблудшие книги».

Мария Абрамовна... – сестра провела пальцем по фотографии, оставляя след на пыльном лице. – Знаешь, как она меня лечила?

Она приносила книги с «ошибками».

«Преступление и наказание» – без эпилога. «Анна Каренина» – где Вронский не уезжает на войну, а остаётся у постели больного сына. «Герой нашего времени» – но без Печорина, будто он стёр сам себя из истории.

Допиши, – шептала Мария Абрамовна, – как должно было быть.

Я представил её: сухонькую старушку, которая разговаривала с книгами, как с пациентами, гладила их корешки и ставила диагнозы: «Этот роман болен несбывшейся развязкой», «А этот – страдает от недописанных диалогов». Я написала, что Родион становится... библиотекарем. Сестра хрипло рассмеялась.

Психиатр тогда орал: «Это бред!» А Мария Абрамовна наклонялась ко мне так близко, что я чувствовала запах старой бумаги, и шептала: Нет, это альтернативный канон.

Чёрные чернила, чёрный юмор

Однажды она украла у врача ручку. Дописала в своей карте: «F20.1 – гениальность в стадии обострения». Глаза её блеснули, как лезвие. На следующий день мне увеличили дозу галоперидола.

Но в тетради остался след той ночи – каракули на полях, будто кто-то пытался вырваться за пределы строк. А в углу, мелко-мелко, как тайный знак:

Рисунок кота в очках.

Усы – штрихами пера, глаза – две чёрные точки, будто он видел то, чего не видят другие. Подпись: «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.